

Челкаш — эпизод 10 из 13

Память, этот бич несчастных, оживляет даже камни прошлого и даже в яд, выпитый некогда, подливает капли меда...

Челкаш чувствовал себя овечьим примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшего с собой до его слуха и ласковые слова матери, и солидные речи истового крестьянина-отца, много забытых звуков и много сочного запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только что вспаханной и только что покрытой изумрудным шелком озими... Он чувствовал себя одиноким, вырванным и выброшенным навсегда из того порядка жизни, в котором выработалась та кровь, что течет в его жилах.

Эй! а куда же мы едем? спросил вдруг Гаврила.

Челкаш дрогнул и оглянулся тревожным взором хищника.

Ишь черт занес!.. Гребни-ка погуще...

Задумался? улыбаясь, спросил Гаврила.

Устал...

Так теперь мы, значит, уж не попадемся с этим? Гаврила ткнул ногой в тюки.

Нет... Будь покоен. Сейчас вот сдам и денежки получу... Н-да!

Пять сотен?

Не меньше.

Это, тово, сумма! Кабы мне, горюну!.. Эх, и сыграл бы я песенку с ними!..

По крестьянству?

Никак больше! Сейчас бы...

И Гаврила полетел на крыльях мечты. А Челкаш молчал. Усы у него обвисли, правый бок, захлестанный волнами, был мокр, глаза ввалились и потеряли блеск. Все хищное в его фигуре обмякло, стусеванное приниженной задумчивостью, смотревшей даже из складок его грязной рубахи.

Он круто повернул лодку и направил ее к чему-то черному, высовывавшемуся из воды.

Небо снова все покрылось тучами, и посыпался дождь, мелкий, теплый, весело звякавший, падая на хребты волн.

Стой! Тише! скомандовал Челкаш.

Лодка стукнулась носом о корпус барки.

Спят, что ли, черти?.. ворчал Челкаш, цепляясь багром за какие-то веревки, спускавшиеся с борта. Трап давай!.. Дождь пошел еще, не мог раньше-то! Эй вы, губки!.. Эй!..

Селкаш это? раздалось сверху ласковое мурлыканье.

Ну, спускай трап!

Калимера, Селкаш!

Спускай трап, копченый дьявол! взревел Челкаш.

О, сердытий пришел сегодня... Элоу!

Лезь, Гаврила! обратился Челкаш к товарищу.

В минуту они были на палубе, где три темных бородатых фигуры, оживленно болтая друг с другом на странном сюсюкающем языке, смотрели за борт в лодку Челкаша. Четвертый, завернутый в длинную хламиду, подошел к нему и молча пожал ему руку, потом подозрительно оглянул Гаврилу.

Припаси к утру деньги, коротко сказал ему Челкаш. А теперь я спать иду.

Гаврила, идем! Есть хочешь?

Спать бы... ответил Гаврила и через пять минут храпел, а Челкаш, сидя рядом с ним, примерял себе на ногу чей-то сапог и, задумчиво сплевывая в сторону, грустно свистел сквозь зубы. Потом он вытянулся рядом с Гаврилой, заложив руки под голову, поводя усами.

Барка тихо покачивалась на игравшей воде, где-то поскрипывало дерево жалобным звуком, дождь мягко сыпался на палубу, и плескались волны о борта... Все было грустно и звучало, как колыбельная песнь матери, не имеющей надежд на счастье своего сына...

Челкаш, оскалив зубы, приподнял голову, огляделся вокруг и, прошептав что-то, снова улегся... Раскинув ноги, он стал похож на большие ножницы.

Он проснулся первым, тревожно оглянулся вокруг, сразу успокоился и посмотрел на Гаврилу, еще спавшего. Тот сладко всхрапывал и во сне улыбался чему-то всем своим детским, здоровым, загорелым лицом. Челкаш вздохнул и полез вверх по узкой веревочной лестнице. В отверстие трюма смотрел свинцовый кусок неба. Было светло, но по-осеннему скучно и серо. Челкаш вернулся часа через два. Лицо у него было красно, усы лихо закручены кверху. Он был одет в длинные крепкие сапоги, в куртку, в кожаные штаны и походил на охотника. Весь его костюм был потерт, но крепок, и очень шел к нему, делая его фигуру шире, скрадывая его костлявость и придавая ему воинственный вид.

Эй, теленок, вставай!.. толкнул он ногой Гаврилу.

Тот вскочил и, не узнавая его со сна, испуганно уставился на него мутными глазами. Челкаш захохотал.

Ишь ты какой!.. широко улыбнулся наконец Гаврила. Баринот стал!

У нас это скоро. Ну и пуглив же ты! Сколько раз умирать-то вчера ночью собирался?

Да ты сам посуди, впервой я на такое дело! Ведь можно было душу загубить на всю жизнь!

Ну, а еще раз поехал бы? а?

Еще?.. Да ведь это как тебе сказать? Из-за какой корысти?.. вот что!

Ну, ежели бы две радужных?

Два ста рублей, значит? Ничего... Это можно...

Стой! А как душу-то загубишь?..

Да ведь, может... и не загубишь! улыбнулся Гаврила. Не загубишь, а человеком на всю жизнь сделаешься.

Челкаш весело хохотал.

Ну, ладно! будет шутики шутить.